

КОСМОПОЛИТ В КАФЕ

О. Генри

В следующем году сборнику «Четыре миллиона», в состав которого входит предлагаемая вашему вниманию миниатюра, исполнится сто лет.

Сам О. Генри активно занимался сочинительством всего лет десять, но его читают и перечитывают до сих пор, в том числе и у нас, хотя больше половины его литературного наследия еще ждет русскоязычных переводчиков и издателей.

Темы его рассказов вечны — и это красноречиво подтверждает «Космополит в кафе»

Кполуночи кафе было набито битком. По какой-то случайности столик, за которым сидел я, укрылся от взора посетителей, и два свободных стула за ним по-прежнему с корыстным радушием предлагали клиентам свои пустые сиденья.

И вскоре один из них занял космополит, и я был рад этому, ибо давно вынашивал теорию, что истинного гражданина мира не существовало на свете со времен Адама. Иногда мы слышим о них и частенько видим чемоданы с иностранными наклейками, но находим не космополитов, а всего лишь туристов.

Предлагаю вам вообразить себе эту сцену: столики с мраморным верхом, ряды обитых кожей сидений,

веселая компания, дамы в полупарадных туалетах, составляющих чудесную многоголосицу вкуса, экономии, роскоши и искусства; прилежные, уважающие щедрость гарсоны; музыка, достаточно разнообразная для того, чтобы мудро угодить всем; смешение разговоров и смеха — и, если желаете, «Вюрцбургер» в высоких бокалах, склоняющихся к вашим губам, точно спелая вишня на ветке к клюву сойки-воровки.

Моего космополита звали Э. Рашмор Коглан, и следующим летом о нем услышат на Кони-Айленд. Он благосклонно сообщил мне между прочим, что собирается открыть там новый аттракцион. А потом наша беседа потекла вдоль параллелей и меридианов. Он, фигурально выражаясь, клал наш большой круглый мир к себе на ладонь — играючи, с легким презрением, — и тот становился крохотным, не больше засахаренной вишенки в огромной вазе для фруктов. Он пренебрежительно говорил об экваторе, он перескакивал с континента на континент, он насмеялся над географическими поясами, он промокал безбрежные моря своей крахмальной салфеткой. Легким взмахом руки он представлял вам базар в Хайдарабаде. Фьюить! Вы уже катаетесь на лыжах в Лапландии. Оп-ля! И вы оседлали буруны вместе с канаками на Кеалайкахики. Вжик! Он тащит вас по арканзасским болотам, затем дает вам просохнуть на солончаках близ своего ранчо в Айдахо и в мгновение ока переносит в общество венских эрцгерцогов. Вскоре он уже жаловался на простуду, которую подхватил на берегу Мичигана, и рассказывал, как старик-индеец из Буэнос-Айреса вылечил его горячим настоем травы *чучула*. Вы могли бы адресовать письмо «Э. Рашмору Коглану, эсквайру, Земля, Солнечная система, Вселенная» и отправить его в твердой уверенности, что оно будет доставлено по назначению.

Я был убежден, что обнаружил наконец первого со времен Адама истинного космополита, и внимал его рассуждениям глобального масштаба, опасаясь лишь одного — заметить в них признаки узости обыкновенного путешественника. Но в его речах не прозвучало ни единой подозрительной или фальшивой ноты — он отзывался о разных городах, странах и континентах с тем же беспристрастием, с каким мы упоминаем о легких изменениях погоды.

И пока Э. Рашмор Коглан обсуждал нашу маленькую планету, я с восторгом думал о великом человеке, почти космополите, который писал от лица всего мира и посвятил себя Бомбею. В одном стихотворении он говорит, что разные города земли гордятся своей славой и соперничают между собой, а «люди, что выросли там, годами по свету гуляют, но тяга к родным краям в их сердце не умирает». И куда бы ни забросила их судьба, они вспоминают родной город как «лучший и вечно милый, чье имя влечет к себе с неодолимой силой». И мое ликование росло, ибо я видел, что мистер Киплинг ошибся. Передо мной сидел человек, не похожий на других; человек, который никогда не стал бы с глупым апломбом превозносить достоинства своей улицы или страны, который, ввяжись он вообще в подобный спор, мог бы отстаивать разве что преимущества всей нашей Земли перед марсианами или жителями Луны.

Э. Рашмор Коглан и так говорил с жаром, а появление за нашим столом третьего собеседника только подлило масла в огонь. Когда Коглан описывал мне ландшафт в районе Сибирской железной дороги, оркестр играл попури. Он завершил его мелодией «Дикси», и звуки этой жизнерадостной песенки едва не потонули во всеобщих бурных рукоплесканиях.

Стоит пожертвовать абзацем, дабы отметить тот факт, что подобные удивительные сцены можно наблюдать каждый вечер почти в любом из многочисленных кафе Нью-Йорка. За попытками истолковать это явление были выпиты целые моря пива. Некоторые поспешно заключили, что по наступлении сумерек все южане в городе дружно устремляются в кафе. Восторг, который мятежная песенка вызывает в северном метрополисе, действительно немного странен, однако его вполне можно объяснить. Война с Испанией, ежегодные щедрые урожаи мяты и арбузов, несколько крупных выигрышей на нью-орлеанских скачках и великолепные банкеты, организуемые выходцами из Индианы и Канзаса, членами Северокаролинского общества, сделали увлечение Югом весьма распространенным в Манхэттене. Ваша маникюрша тихо шепчет, что ваш левый указательный палец пробуждает у нее живейшие воспоминания о некоем джентльмене из Ричмонда, штат Виргиния. Что ж, это вызывает сочувствие, но многим леди приходится нынче работать — война, знаете ли.

Когда музыканты заиграли «Дикси», какой-то темноволосый молодой человек издал громкий боевой клич, словно конфедерат, выскочивший из засады, и неистово замахал своей шляпой с мягкими полями. Затем он побрел сквозь дым, плюхнулся на незанятый стул у нашего столика и вытащил сигареты.

Вечер достиг той стадии, когда холодность тает. Один из нас намекнул официанту, что не худо бы полу-

чить три «Вюрцбургера»; темноволосый юноша выразил свое одобрение улыбкой и кивком. Я поспешил задать ему вопрос, ибо мне хотелось проверить одну теорию.

— Простите за любопытство, — начала я, — но вы, случайно, не из...

Кулак Э. Рашмора Коглана с грохотом опустился на стол, и я вынужден был умолкнуть на полуслове.

— Извините меня, — сказал он, — но я всегда терпеть не мог этого вопроса. Какая разница, откуда человек родом? Разве справедливо судить о человеке по его почтовому адресу? Да я встречал уроженцев Кентукки, которые ненавидели виски, граждан Виргинии, которые не были прямыми потомками Покахонтас, выходцев из Индианы, которые не написали ни одного романа, мексиканцев, которые не носили бархатных штанов, расшитых серебряными долларами, веселых англичан, расточительных янки, хладнокровных южан, узколобых обитателей Запада и ньюйоркцев, слишком занятых для того, чтобы часами стоять на улице и смотреть, как однорукий мальчишка-бакалейщик раскладывает клюкву по бумажным пакетам. Позвольте человеку быть человеком и не наклеивайте на него ярлыков с указанием места производства.

— Позвольте, — сказал я, — но мой интерес отнюдь не является праздным. Я знаю Юг, и мне нравится наблюдать за публикой, когда оркестр играет «Дикси». У меня сложилось убеждение, что все люди, аплодирующие этой песенке с повышенным рвением и демонстративным патриотическим пылом, родились либо в Сикокусе, штат Нью-Джерси, либо в районе между Лицеем на Марри-хилл и рекой Харлем, в нашем городе. Я собирался проверить свой вывод, задав вопрос этому джентльмену, когда вы прервали меня, выступив с собственной теорией — должен признать, более глобальной.

Тут темноволосый юноша обратился ко мне, и нам стало ясно, что его мысли тоже текут по особому, весьма нестандартному руслу.

— Я хотел бы стать барвинком, — загадочно сказал он, — на горных просторах и петь тир-лир-ли, тир-лир-ли».

Это было чересчур туманно, и потому я вновь повернулся к Коглану.

— Я объехал вокруг света двенадцать раз, — произнес он. — Я знаю эскимоса из Упернавика, который заказывает себе галстуки в Цинциннати, а в Уругвае я видел козопаса, выигравшего первый приз в конкурсе «Угадай, что сегодня на завтрак», который проводился на Батл-крик. Я круглый год оплачиваю комнату в египетском Каире и другую — в Иокогаме. Меня всегда ждут тапочки в одном из шанхайских чайных домиков, а в Рио-де-Жанейро и Сиэтле прекрасно знают, какие яйца мне требуются по утрам — всмятку или вкрутую. Наш мир катастрофически тесен. Какой смысл хвастать, что вы выросли на Севере, или на Юге, или в богатой провинциальной усадьбе, или на Эвклид-авеню в Кливленде, или на Пайкс-Пик, или в округе Фэрфакс, Виргиния, или на Хулиганс-флэтс, или где бы то ни было? Мир стал бы гораздо лучше, если бы мы бросили дурацкую привычку превозносить до небес какой-нибудь заплесневелый городишко или десять акров болота только потому, что нас угораздило там родиться.

— Похоже, вы настоящий космополит, — с восхищением сказал я. — Но вместе с тем вы как будто бы против патриотизма.

— Это пережиток каменного века, — проникновенно заявил Коглан. — Все мы братья — китайцы, англичане, зулусы, патагонцы и обитатели берегов реки Канзас. Придет день, когда люди откажутся от нелепого обыкновения гордиться своим городом, штатом, районом или страной, и тогда каждый человек по праву сможет назвать себя гражданином мира.

— Но когда вы скитаетесь по чужим краям, — настаивал я, — неужели вы не возвращаетесь мыслями к какому-нибудь уголку, который мил вашему сердцу и...

— Никаких уголков, — решительно перебил меня Э. Р. Коглан. — Более или менее твердый, шарообразный, вращающийся в космическом пространстве кусок вещества, слегка приплюснутый у полюсов и известный под названием Земля, — вот мое место жительства. За границей я встречал много наших соотечественников, прикованных мыслями к какому-нибудь населенному пункту. Я видел приезжих из Чикаго, которые сидели в венецианской гондоле в лунную ночь и с гордостью говорили о своей системе канализации. Я видел, как некий южанин, только что представленный английскому королю, не моргнув глазом поведал монарху о том, что его двоюродная бабушка с материнской стороны сумела выйти замуж за одного из чарлстонских Перкинсов. Я знаю ньюйоркца, которого похитили афганские бандиты, потребовавшие выкуп. Его семья отправила им деньги, и он вместе с посредником вернулся в Кабул. «Ну как? — спросили его местные через переводчика. — Согласны, что народ у нас шустрый?» — «Не знаю, не знаю», — ответил он и принялся рассказывать им о кэбмене с перекрестка Шестой авеню и Бродвея. Такая ма-

нера поведения не по мне. Я не привязан ни к одному объекту, который имел бы меньше восьми тысяч миль в диаметре. Зовите меня просто: Э. Рашмор Коглан, обитатель земного шара.

На этом космополит попрощался с нами взмахом руки и покинул наш столик, так как дым и болтовня не помешали ему заметить в зале какого-то своего знакомого. А я остался в обществе несостоявшегося барвинка, который был занят вином и потому не мог далее живописать мне свои мечты о беззаботной, идиллической жизни на горных просторах.

Я сидел, размышляя о недавней беседе с истинным космополитом и гадая, каким же образом знаменитый поэт мог проглядеть его. Он был моим открытием, и я в него верил. Как это говорилось в стихах? «Люди, что выросли там, годами по свету гуляют, но тяга к родным краям в их сердце не умирает».

Но не таков Э. Рашмор Коглан. Если и есть у него родной дом, так это весь...

Мои размышления были прерваны сильнейшим шумом и грохотом в другом конце кафе. Поверх голов сидящих посетителей я увидел Э. Рашмора Коглана и незнакомого мне человека, которые схватились в жестокой борьбе. Они сражались меж столиков подобно титанам, и звенели, разбиваясь, бокалы, и мужчины поднимали шляпы и падали, сбитые с ног, и какая-то брюнетка завизжала, а блондинка закричала: «Давай!».

Мой космополит защищал честное имя и добрую репутацию Земли, когда официанты в боевом порядке, известном под названием «клин», приблизились к обоим соперникам и выволокли их за двери, несмотря на упорное сопротивление.

Я кликнул Маккарти, одного из французских гарсонов, и спросил о причине скандала.

— Малому в красном галстуке, — объяснил он (это и был мой космополит), — не понравилось, как его собеседник отозвался о состоянии тротуаров и системы водоснабжения в местечке, где он родился.

— Не может быть, — ошеломленно промолвил я, — ведь этот человек — гражданин мира. Он...

— Сказал, что он родом из Маттауомкега в штате Мэн, — закончил за меня Маккарти, — и не потерпит, чтобы об этом городе отзывались непочтительно.

Перевод В. Бабкова